УДК 94(47).06

**А. А. Андреев**

# Российско-хивинские отношения в конце XVII — начале XVIII в.

## Декларативная «шерть» или реальное подданство?

Дипломатические отношения российского государства со среднеазиатскими ханствами во время правления Петра Великого в отечественной историографии в целом изучены достаточно подробно. Значительное количество исследований, представленных в ней, позволяет составить условную периодизацию. Первый этап охватывает целиком XVIII и первую половину XIX в., вышедшие в это время труды представляют особую ценность. Посвящены они были в основном истории освоения Каспийского моря и берут начало от первых записок исследователей и деятелей петровского времени, таких как Ф. И. Соймонов, Г. Ф. Миллер и В. Могутов и др., а также зарубежных авторов Питера Генри Брюса и Филиппа Иоганна фон Сталленберга[1].

[1] Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и Ордена святого Александра Кавалера Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства, в бытность его службы морским Офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-Секретаря, Профессора Истории и Историографии, Г. Ф. Миллера. СПб.: Императорская академия наук, 1763; *Могутов В.* Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в великую Татарию экспедиции под именем посольства. СПб., 1777; *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843; *Bruce P. H.* Military Officer, in the Services of Prussia, Russia and Great Britain. London, 1782; *Strahlenberg P. J. von.* Vorbericht eines zum Druck verfertigten Werckes von der grossen Tartarey und dem Koenigreiche Siberien: mit einem Anhang von Gross-Russland, worinnen von dem Autore die Einrichtung und vornehmsten Contenta desselben, vorgetragen werden. 1726.

Следующий этап условно можно ограничить второй половиной XIX и началом XX в. В это время особенно ярко был обозначен повышенный интерес в России к региону Средней Азии, поскольку в этот период происходило его активное освоение и интеграция в пространство Российской империи. В этот период обращаются и к проблеме первых исследователей Средней Азии. Появляется значительное количество работ, посвященных миссиям князя Александра Бековича Черкасского в Хиву, в меньшей степени Флорио Беневени в Бухару[2]. При этом, на наш взгляд, отечественным исследователям, прежде всего XIX в., не всегда были доступны источники хивинского и бухарского происхождения, тем самым проявлялся недостаток комплексного характера исследований. Всё же нельзя не отметить, что в то же время им были доступны уникальные источники, такие как хивинские и бухарские ханские и посольские грамоты и челобитные, хранившиеся в российских архивах.

Третий этап: конец XIX — начало XX в. Он был ознаменован появлением в отечественной историографии плеяды фундаментальных работ российских историков — востоковедов. После первых десяти лет российского контроля над Средней Азией стали во многом доступны рукописи хивинского и бухарского происхождения, что позволило по-новому взглянуть на многие аспекты российско-хивинских и российско-бухарских отношений.

Из ряда авторов этого периода можно выделить знаменитого историка-востоковеда Василия Владимировича Бартольда, который работал с переписями одного из самых известных рукописных источников по истории Хивинского ханства — «Фирдаус аль Икбал»[3]. Данные хроники хивинского ханства были составлены на чагатайском языке Шир-Мухаммадом бен Эмиром Авазбий-мирабом и его племянником Агахи-Мухаммедом Реза-мирабом бен Эр-Нийаз-беком в конце XVIII — начале XIX в. «Фирдаус аль Икбал» (в переводе — «Райский сад счастья»). Рукопись опирается на большой свод материалов других историков, в частности Абу-л-Гази-бахадур-хана, и посвящена преимущественно XVIII столетию. Именно поэтому «Райский сад счастья» является оригинальным и уникальным источником, позволяющим нам посмотреть на события, происходившие в Средней Азии в это время, именно с Хивинской стороны. К сожалению, нет перевода на русский язык, существует только полный перевод на английский, выполненный бывшим советским востоковедом,

[2] *Бэр К. М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и пограничных с ней землях в Азии // Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1850. Т. 4. С. 267; *Попов А. Н.* Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. СПб., 1853; *Галкин Н. М.* О туркменах восточного побережья Каспийского моря // Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868; *Желябужский Е.* Очерки о завоевании Хивы. М., 1875; *Терентьев А. М.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875; *Костенко Л.* Исторический очерк распространения русского владычества // Военный Сборник. СПб., 1886. Т. CLXXVI.

[3] *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции. 2-е изд. Л., 1925.

Ю. Э. Брегелем[4]. Данная летопись хивинского ханства на сегодняшний день является единственным среднеазиатским источником, где упоминается Александр Бекович Черкасский.

Помимо фундаментальных трудов В. В. Бартольда следует упомянуть еще одну из самых ярких работ начала XX в., в которой содержится справочная информация о практически всех обменах визитами России с Хивинским и Бухарским ханствами, — исследование С. В. Жуковского «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие»[5].

В четвертый условный, уже советский период, в годы, когда на «руинах» Хивинского ханства и Бухарского эмирата шел процесс создания национальных республик, сопровождавшийся попыткой коренного перелома сложившегося здесь в течение нескольких тысячелетий традиционного уклада, во многом в силу неприятия имперского прошлого, история завоевания Туркестанского края была не самой популярной темой для исследования. На первый план стали выходить малоизученные аспекты, связанные прежде всего с историей внешнеэкономических контактов и просто историей народов Средней Азии. В 1933 г. был опубликован уникальный сборник документов с научными комментариями, касающихся истории торговли России с Хивой, Бухарой и даже Балхом в XVI–XVII вв.[6]

Во второй половине XX в. появляется ряд работ, свидетельствующих о вновь растущем интересе историков к вопросам российских посольств в Хиву и Бухару[7]. Здесь особое значение для отечественной историографии представляют работы Екатерины Андреевны Княжецкой, в которых подробно была разобрана история экспедиции Александра Бековича Черкасского в Хиву и дана должная оценка вкладу в российскую и мировую науку героя петровского времени и первого составителя подробной карты Каспийского моря[8].

Помимо Александра Черкасского исследователи обращают внимание на следовавшего по его стопам малоизвестного первого российского ориенталиста Флорио Беневени. В 1986 г. выходит работа, представляющая значительный интерес для историографии российско-бухарских отношений в первую



---

[4] Shir Muhammad Mirab: Firdaws al-iqbāl: history of Khorezm / By Shir Muhammad Mirab and Muhammad Riza Mirab Agahi; transl. and annotated by Y. Bregel. Boston, 1999.

[5] *Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Труды общества российских ориенталистов. СПб., 1915. № 2.

[6] Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Под ред. А. Н. Самойловича. Л., 1932.

[7] *Вилинбахов В. Б.* Александр Черкасский — сподвижник Петра. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966; *Опрышко О. Л.* Через века и судьбы. Нальчик: Эльбрус, 1982; *Аннанепесов М.* Укрепление русско-туркменских связей в XVIII–XIX вв. Ашхабад: Ылым, 1982.

[8] *Шафрановский К. И., Княжецкая Е. А.* Карты Каспийского и Аральского морей, составленные в результате экспедиции Александра Бековича Черкасского 1715 г. // Известия ВГО. 1952. № 6; *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. М.: Мысль, 1964.

очередь. По сути, это была публикация дипломатических писем российского посланника, в которых помимо самой истории миссии Флорио к бухарскому правителю Абулфейз-хану можно почерпнуть огромное количество сведений о политическом, социально-экономическом строе этого государственного образования, а также о народах тюркского и иранского происхождения, населявших его в тот период.

В середине XX в. под руководством выдающегося востоковеда — создателя школы среднеазиатской ориенталистики А. А. Семенова были переведены и опубликованы уникальные источники именно бухарского происхождения, хранившиеся изначально в архиве Бухарского эмира, а после революции и создания Узбекской ССР — в архиве в Ташкенте. В 1957 г. был переведен и опубликован труд знаменитого бухарского историка, творившего в конце XVII — начале XVIII в. — Мир Мухаммеда Амин-и Бухари. Его рукопись была посвящена правлению Убайдуллы-хана, правившего до 1711 г., и носила название — «Убайдалла-наме»[9]. Через два года там же, в Ташкенте, была переведена, обработана и опубликована вторая придворная летопись, посвященная унаследовавшему в 1711 г. престол Бухары Абулфейз-хану[10]. Авторство рукописного источника принадлежит бухарскому историку Абдуррахман-и Тали. Данные летописи, несомненно, крайне важны при изучении особенностей сложившейся системы отношений между государствами в Средней Азии в конце XVII — начале XVIII в.

В конце XX — начале XXI в. интерес ко многим проблемам и вопросам истории государств Средней Азии не иссякает. Наблюдается значительное количество работ, посвященное прежде всего современным государствам — наследникам Хивы, Бухары и Коканда. Однако при этом ряд авторов, как российских, так и зарубежных, вновь возвращается к периоду, когда стали определяться основные линии политики Российской империи в отношении Хивинского, Кокандского и Бухарского ханств, то есть к XVII и началу XVIII в., времени относительной активизации внешнеполитических и торговых контактов, выражавшихся прежде всего в большом количестве взаимных обменов посольствами[11].

В настоящее время по-прежнему существует необходимость дальнейшего тщательного исследования истории внешнеполитических и торговых контактов России с ханствами Средней Азии. Остаются дискуссионными вопросы,

[9] *Мир Мухаммед Амин-и Бухари.* Убайдалла-наме. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.

[10] *Абдуррахман-и Тали'.* История Абулфейз-хана. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1959.

[11] *Allworth E. A.* The modern Uzbeks: from the 14 century to the present. A cultural history. Hoover press publicaton, 1990; *Агзамова Г. А.* Волжско-Каспийский путь в XVI — первой половине XIX в. // Тюркологический сборник. М., 2003; *Кадыров Ш.* «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003; *Исмаилова Б.* История Бухарского эмирата. Худжанд; Нури маърифат, 2005; Центральная Азия в составе Российской Империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008; *Ниязматов М.* Поиск консенсуса: Российско-хивинские геополитические отношения в XVI — начале XX в. СПб., 2010; Россия — Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XXI в.: в 2-х т. / Под ред. С. Н. Абашина, Д. Ю. Арапова. М., 2011.

связанные с государственным устройством Хивы и Бухары того времени, вопросы дипломатических контактов и влияния на регион со стороны Персидской державы династии Сефевидов и империи Великих моголов. При этом крайне важно продолжать поиск новых источников бухарского и хивинского происхождения. И не менее важно повторно изучить уже имеющиеся источники, такие как ханские и посольские грамоты и челобитные среднеазиатских купцов.

Наша статья представляет собой, во-первых, скромную попытку комплексно подойти к проблеме отношений России с Хивинским ханством, одним из крупных государственных образований в Средней Азии в данный период, имевшим серьезное влияние на кочевников узбекского и казахского происхождения, кочевавших к югу от Аральского моря, и на туркмен племен Теке и йомудов, представлявших серьезную угрозу для соседней Бухары. Во-вторых, обозначить проблему реальности краткого российского подданства Хивы в 1700 г., инициировавшего впоследствии значительный интерес Петра Великого к Средней Азии.

Хивинское ханство в конце XVII в., по всей видимости, нуждаясь в поддержке в борьбе против Бухарских ханов, начинает активизацию внешнеполитических контактов, в том числе и с Россией. В 1689 г. к Петру и «соцарствующему» с ним Ивану V прибывает посол из Хивы, упоминаемый по документам как Абреим Ажизов (вероятно, Ибрагим Азиз). В ярлыке, который он предоставил, говорилось, что правитель Хивы Мухаммед Эренк-хан желает «бытии в соседственной дружбе и любви по-прежнему», что «изстари из древних лет по нынешнее время междо блаженные памяти великими государями цари прадедами и отца вашего и ханами прадедов моих (хана Хивы. — *А. А.*) дружба и любовь была исконно крепкая»[12].

В подкрепление своих слов хан прислал в подарок две бобровые шкуры, одного гнедого аргамака, четырех иноходцев и девять русских пленников. О значимости подарка в виде возвращения подданных российских государей говорится в ответной грамоте Петра и Ивана Алексеевичей, где содержалась следующая просьба: «...тесненных Российского нашего государства людей, буде у тебя по владении ныне оттуду есть и впредь буду велеть всех в наше государство отпустить»[13]. Говорилось, что в ответ «наше Царское Величество за то умеем воздать за то нашего царского величества дружбой»[14]. В качестве ответного подарка было выслано с «вышеименованным послом сорок соболей добрых за печатью»[15].

[12] Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Под ред. А. Н. Самойловича. Л., 1932. С. 256.

[13] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 134. Сношения с Хивой. Оп. 2. 1691. Л. 44.

[14] Там же.

[15] Там же.

Абреим Ажизов и глава Посольского приказа думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев провели переговоры, в ходе которых были обозначены основные пункты или, как тогда говорилось, статьи, которые приехали обсудить хивинцы. В частности, были озвучены жалобы на яицких казаков и предложения совместного похода на калмыков хана Аюки. Третьей статьей стал, по всей видимости, главный вопрос посольства — строительство города у «Трухменской пристани». Хивинцы в целях улучшения безопасности торговли с Россией предложили построить пристань и крепость на местечке Тюк Каран (ныне это г. Шевченко, Республика Казахстан). Переговоры прошли безуспешно для хивинской стороны, и Абреиму Ажизову пришлось довольствоваться лишь обещанием, что о строительстве укрепленного пункта на Каспийском море «их Великих государей указ впредь будет»[16]. По всей видимости, сомневаясь в перспективе дальнейшего развития контактов с Хивинским ханством, глава Посольского приказа прежде заботился о возвращении пленных, что и было обозначено в ответной грамоте Петра и Ивана Алексеевичей.

Через десять лет происходят перемены в самом Хивинском ханстве. Известно, что с конца XVII в. Хива находилось в феодальной зависимости от Бухары. Знаменитый Бухарский придворный историк начала XVIII в. Мухаммед Юсуф Мунши в своем труде «Муким-ханская история» красочно описывает подробности принятия Хивой Бухарского подданства. «Пришло (в Бухару. — *А.А.*) известие, что когда разбитый (бухарцами. — *А. А.*) Ирнак-хан (хивинский правитель. — *А.А.*) вернулся (в Хорезм. — *А.А.*), он опять вознегодовал на своих эмиров, а они вошли в соглашение с его махрамами (родственницами хана. — *А.А.*) и положили яд в его кушанье, заменив [тем самым] сладость его жизни горечью смерти. Вместе с тем поступили доклады ургенчского народа, что они провозгласили хутбу (проповедь. — *А.А.*) и выбили монету со славным именем и драгоценными титулами (Субхан-кули-хана — бухарского правителя. — *А.А.*) и просят прислать одного из его рабов для управления [их] страной. Высокодостойный хан, назначив [к ним] правителем Нияз ишик-ака-баши катагана, послал его в Хорезм»[17].

Новый правитель Хивы — бухарский ставленник, довольно скоро отправляет к российскому царю своего посла Достека Бехадура. В отечественной историографии до сих пор нет единой точки зрения относительно данного поступка. По какой причине племянник Бухарского правителя предпринимает попытку выйти из подданства своего дяди и сюзерена одновременно? В. Н. Веселовский совершенно справедливо заметил, что ввиду скудости источников мы не в состоянии однозначно утверждать, «был ли хан Шанияз одно лицо с наместником Шаниязом, поставленным Субхан-Кули ханом» правителем Бухары[18].

[16] Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. С. 258.

[17] *Мухаммед Юсуф Мунши.* Муким-ханская история / Пер. А. А. Семенова. Ташкент: АН УзССР, 1956. С. 152–153.

[18] *Веселовский Н. И.* Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве

Причиной, побудившей правителя Хивы искать российского подданства, было признано его стремление укрепить свое положение среди хивинской знати, в большинстве своем оппозиционно настроенной к Бухарскому правителю[19].

Вероятно, действительно заметно тяготясь зависимым от Бухары положением, хивинский хан Исхак-Ага-Шах-Нияз (Нияз Ишик ага Баши Катагхан) в 1698 г. посылает посольство в Россию, причем интересно, что первоначально оно было направлено к главе Приказа Казанского дворца князю Борису Алексеевичу Голицыну. По всей видимости, это было обусловлено тем, что хан стремился улучшить положение своих купцов в Астрахани, а астраханские власти были подотчетны администрации в Казани. В целом следует отметить, что этот момент нуждается в дополнительном исследовании.

По прибытии посольства в Москву оно было поселено не на территории Посольского приказа, а на постоялом дворе у Б. А. Голицына, главы Приказа Казанского дворца[20]. Таким образом, мы можем предполагать, что к приезду посольства в Москву в приказе уже могли знать о главном пункте переговоров — хивинском подданстве, либо, как следует прежде всего из хивинских документов, хотели самостоятельно обозначить тему подданства. Примечательно также то, что было приказано еще до приема посла передать в Приказ Казанского дворца все «договора Хивинского, Юргенского и Шемахинского и иных тамошних земель владетелей»[21]. Таким образом, Приказ Казанского дворца начинает вести дипломатические переговоры со среднеазиатскими государствами вместо Посольского приказа.

Из опубликованных в сборнике А. Н. Самойловича документов, касавшихся посольства Достек-бека, мы располагаем следующими: ярлык ближнему боярину и судье Приказа Казанского дворца князю Борису Алексеевичу Голицыну об установлении правильных торговых сношений между обеими странами и с просьбой оказать содействие в этом отношении послу Достеку Бехадуру, датируемое 1698 г.; письмо хивинского посла Достека Бехадура князю Борису Алексеевичу Голицыну с сообщением проекта договорных статей соглашения с Московским государством, выдвинутых хивинским ханом, и с просьбой довести о них до сведения царя Петра Алексеевича, датируемое 1700 г.; посольское письмо хивинского посла Достека Бехадура кн. Борису Алексеевичу Голицыну с сообщением проекта договорных статей соглашения с Московским государством, выдвинутых хивинским ханом, и с просьбой довести о них до сведения царя Петра Алексеевича, датируемое 1703 г.

Первый документ мы предлагаем обойти вниманием, поскольку там кроме приветственных речей и просьбы принять Достека Бехадура и пожелания

от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877; *Веселовский Н. И.* Прием в России и отпуск средне-азиатских послов в XVII и XVIII столетиях // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1884. № 7. С. 158.

[19] Там же. С. 159.

[20] РГАДА. Ф. 134. Сношения России с Хивой. Оп. 1. 1699. Л. 66.

[21] РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1700. Д. 1. Л. 1.

укрепить торговые связи ничего принципиально нового по сравнению с предыдущими письмами от хивинцев не содержится. Во втором документе было обозначено шесть пунктов, по которым велись переговоры.

- Первым шел пункт относительно прошения хана «быть в подданстве у великого государя»[22].
- Вторым значилось прошение: «з другом быть дружен, а с неприятелем бы неприятелем»[23]. Вероятно, именно эта формулировка позволила впоследствии определить прошение о подданстве как главную цель посольства.
- Третьим было прошение, чтобы великий государь указал с тех купеческих людей, которые приезжают из Хивы и из Бухары в Астрахань с товарами, брать вместо денег пошлины по счету со всех тканей, какие они привозят, с 20-ти тканей (парчей) по одной парче в казну великому государю.
- Четвертый пункт был с просьбой разрешить провозить в Хиву запрещенные к продаже железо, свинец, «винтовальные пищали», в ответ хан обещал разрешить привозить в Астрахань луки, шелк-сырец, лазурит, бадахшанские рубины и другие драгоценные камни.
- Пятым пунктом была просьба о присылке в Бухару и Хиву посланца из России.
- И, наконец, шестой пункт был с пожеланием, чтобы «всяким купеческим и торговым людям для всяких товаров и торговых промыслов в их землю, в Хиву и в Бухары, также и их купеческим и торговым людям в свою государскую землю для торговых же промыслов со всякими товары ездить можно было свободно»[24].

И в подтверждение своих слов посол предлагал, если нет веры ему, то от Хивы до Астрахани «путь недальней» и можно «про то проведать»[25].

Итак, здесь мы уже видим просьбу о подданстве, и она обозначена в самом начале. С третьим документом остается много неясного. Он был переведен и опубликован в 1932 г. в упомянутом нами сборнике. В нем были обозначены уже только 3 пункта переговоров.

Для большей объективности мы предлагаем обратиться к оригиналу письма, написанного, по всей видимости, одним из участников посольства и подписанного Достеком Бехадуром. Письмо посла к Б. А. Голицыну было написано на классическом персидском, при этом там содержатся заимствования из тюркских языков. Например, в письме Достек Бехадур обозначает себя как «Йэлчи»[26], в переводе с тюркú — посол. В конце послания он обращается

[22] Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Под ред. А. Н. Самойловича. Л., 1932. С. 269.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] РГАДА. Ф. 134. Оп. 3. 1700. Д 4. Л. 1.

непосредственно к главе Приказа Казанского дворца с просьбой довести устные речи своего хана до великого государя.

«Мультамас анке ин эрзе дошт хон-е мо ро бе джехат-е подшох володжох хуршид-е куллох эрзе намуде хер че джавоб оли бошад магрор доранд ке джавобаш ро бе джехат-е хан-е мо беневисанд ке банде чи джавоб натованам»[27]. Мы постарались привести дословный перевод: «Просьба такова, чтобы это послание хана нашего падишаху высокому с солнечным убором (венцом. — *А. А.*) дали (имеется в виду Петр I. — *А. А.*), каждые ответы высокие, какие определены будут, к хану нашему напишите, так как слуга (Достек Бехадур. — *А. А.*) ответить не могу».

Текст послания был составлен в более чем деликатной манере. Посланник хивинского хана, с большим уважением обращаясь к князю Борису Алексеевичу Голицыну, чаще всего именует себя «банде» (раб, слуга). Главу Приказа Казанского дворца он называет «Алиджох» (самый высокопоставленный, высочайший) и «шариф» (благородный, знатный) «Кенос» (транскрибирование русского слова «князь» буквами персидского алфавита).

В письме с «устными речами» хана содержатся три темы, которые приехал обсудить посол. В данном случае можно использовать термин «предмет разговора», поскольку посол использует слово «мутляб», которое именно так мы и можем перевести на русский язык.

Первой значится просьба о присылке из Москвы посла. «Мутляб-е авволь хон-е мо аз джехат-е дусти ва ашенои ва омад ва шуд аз подшох-е бозорг йэлчи хосте аст»[28]: «Тема первая: наш хан для дружбы от большого падишаха посла спрашивает».

Второй пункт касался двухсторонних торговых сношений, причем здесь хан Шах-Нияз старается улучшить положение не только хивинских, но и бухарских купцов. Что, вероятно, свидетельствует о том, что Хива сохраняла в тот период свой зависимый статус от Бухары и сам хан, вероятно, все-таки был родственником своего бухарского сюзерена. Вновь обратимся к оригиналу: «Мутляб-е девум ан ке теджор-е бухоро ва хивэ ке дохеле хастархон мишаванд темоно ро нагирянд джехат ан ке моль ро зияд-е кеймате кярде темоно ро зияд мигирянд ченонче дех йек мишавад бе фекро шонам шоде бад дуои хоселе мишавад омидам эноят подшохи шоде мекрор доранд ке хер дженс-е моль ке оворде бошад аз бист-у йек бегирянд зияд нагирянд ке дуои хейр хоселе шуд амр аз шумо аст»[29]. «Тема вторая, бухарские и хивинские купцы, которые в Астрахань приезжают, чтобы тамгу (пошлину. — *А. А.*) ту [у них] не забирали, так как те товары, что высоко оценивают, пошлиной высокой облагают, они (купцы. — *А. А.*) 1/10 платят и разоряются, и молитва плохая выходит (получается. — *А. А.*), надежда [моя],

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же.

что падишахова воля будет определить, чтобы с каждого товара, привозимого нами, 1/20 взимали, чтобы молитва хорошая была. [Ждем] от вас приказ».

Третьим был поднят давний вопрос относительно снятия запрета на провоз из России в государства Средней Азии огнестрельного оружия и сопутствующих товаров. «Мутляб-е севум ан ке аз мутоэ хастархон аз хер дженс бе бухоро ва хиве мибуранд алла сарб фаволод ахан ва дурондор аз бейне ту ке гейдогон аст намимонанд остодео ан ке эният ва мерхамат подшохи бошад хер мекрор доранд ке бийор хаштархон монъе бурдан нашуд ва аз бухоро ва хиве низ аз хер мутоэ ке бахм мирасад ке ном-е беном невисанд туль микешад бе хастархон миояд ало кемон ва аришам хом ва лол-е бадахшон ва санг-е лоджури гейнегон аст инша-Аллах тэоли дусти то абд боги бошад хон-е мо бар тараф кярд амр-е аз шумо аст»[30]. «Тема третья, те товары астраханские в Хиву и Бухару везут, но свинец, железо, сталь и дальнострелы (ружья. — *А. А.*) запрещены, не оставляют, прошу, чтобы на то милость и благодать падишахова была определить так, чтобы таможня (сборщики или бояре. — *А. А.*) астраханская разрешила [провоз], тогда из Бухары и Хивы какие товары привозят, их перечислять письменно потребуется долго, в Астрахань привозят, но лук и шелк-сырец и бадахшанский рубин и камень лазурит запрещены [шахом], будет на то воля Аллаха дружба будет такой всегда, хан наш отменил, приказ [ждем] от вас».

Смысл послания в следующем: хивинский хан снял запрет на вывоз и провоз из Хивы в Россию запрещенных ранее и представлявших значительную ценность товаров, теперь хивинцы ожидали подобных действий со стороны российского государства. Данная проблема является последней, третьей темой переговоров, далее никаких предложений посол не делает.

Таким образом, мы можем констатировать, что, во-первых, в послании от хивинского хана не содержалось никакой информации о подданстве Хивы, которое, согласно российским источникам и переводам, существует еще с 1700 г. Но не всё так однозначно. Во-первых, в тексте грамоты хивинский хан упоминается только лишь как «шах», в то время как к Петру I применяется титул «Падишах-е Бозорг» (Великий падишах). Во-вторых, в послании фигурирует знаменитая формулировка династий Джучидов — «бе дуст-е подшох-е бозорг дуст шудан ва бе душманаш душман шудан». Она означает, что хивинский хан выражает желание «с друзьями большого падишаха в дружбе быть, с врагами во вражде». Считается, что это знаменитая формулировка так называемой «шерти», варианта признания вассальной зависимости, принятого еще ранее среди представителей династии Джучидов. В качестве подобного примера вассальной зависимости можно привести подданство Крымских ханов в Османской империи. Отечественный исследователь И. В. Зайцев, опираясь на османские источники и ссылаясь на турецких историков, приводит пример подобного соглашения «союза и шерти» между Османской империей

[30] Там же.

и Крымским ханством. Дополнительно им приводятся примеры использования данной формулировки при заключении временных союзов крымских ханов с Московским государством[31]. При этом следует заметить, что в случае вассальной зависимости, или, лучше будет сказать, договора «шерти» крымских ханов с Османской империей его приходилось подтверждать каждый раз при назначении нового хана. Общеизвестно, что крымские ханы обязаны были прибывать ко двору султанов за назначением, таким образом, это действительно полноценная вассальная зависимость.

В нашем случае, исходя из содержания грамоты, мы имеем основания как подтвердить стремление к установлению отношений подданства, так и опровергнуть. В самом тексте достаточно трудно определить, предлагал ли хан признать вассальную зависимость в обмен на уступки, изложенные в «мутлябхо». Для большей ясности вопроса с подданством Хивинского хана необходим официальный документ на персидском или тюркѝ, где выражалась бы такая просьба, либо источник хивинского или бухарского происхождения, где было бы обозначено, что Шах-Нияз стал подданным «великого падишаха».

30 июня 1700 г. по итогам аудиенции Петр Алексеевич в ответной грамоте хивинскому хану Исхак-Ага-Шах-Ниязу сообщил, что «поминки (подарки) твои приняты», и «тебе б Шанияс хану по своему обещанию у нас великого государя нашего царского величества будучи в подданстве служить нам великому государю, верно, а мы великий государь наше царское величество за тое твою верную службу будем держать тебя в нашей царского величества милости»[32]. Новый статус, как оказалось впоследствии, лишь номинальной зависимости от Москвы, который приобрела Хива, предполагал присылки не только подарков, но и положенного жалования. Как было сказано в ответной грамоте, «послано к тебе от нас великого государя нашего царского величества жалованья 2 пары, да 2 сорока соболей добрых за нашею царского величества печатью»[33].

В июне 1700 г. к Шах-Ниязу было отправлено две грамоты: одна от Петра Алексеевича, другая — от князя Бориса Голицына. Желая оказать дополнительные знаки внимания хивинскому правителю и демонстрируя собственную значимость, Борис Алексеевич Голицын посылает от себя подарки к Шах-Ниязу, которого называет «превозлюбленным своим другом» «кречета доброго да две пары соболей»[34].

Спустя два года Достек-Бек возвращается в Россию с известием о «новом хане Хивы». В этот раз он уже является посланником от Арап-Мамет-хана. Ему передали жалование — «тысячу золотых червонцев» для хана и подарки —

[31] *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX вв. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009. С. 146.

[32] Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 272.

[33] Там же.

[34] РГАДА. Ф. 134. Сношения России с Хивой. Оп. 1. 1699. Л. 126 об.

«сорок соболей да три кречета»[35]. И практически на десятилетие снижается интенсивность контактов России с Хивой.

Воцарившись в Хиве в 1712 г., следующий правитель Саид-Йедигер-Мухаммад-хан отправил посольство во главе с Ашурбеком. К сожалению, нам оказались недоступны документы посольства Ашурбека и потому трудно сказать, какие «мутлябхо» обсуждались во время его визита, была ли подтверждена повторно вассальная зависимость Хивинского ханства или нет. Есть сведения, что после небольших приключений он был вскоре отправлен домой не только с ответной грамотой и подарками, но и с поручением «ехать в Индию для покупки попугаев и барсов»[36]. 14 февраля 1715 г. Петр I повелевает посла в Астрахани задержать и грамоту отобрать.

В опубликованной челобитной Ашурбека к обер-коменданту в Астрахани Чирикову от 3 июня 1715 г. содержится частичная информация о подарках в Хиву: «В знак милости мне пожалованы Белым Царем 6 пушек с порохом, ядрами и пенькой, также 8 пар соболей и 5 драгоценных занавесей. Пожалованное Царем назад не берется, так как вода из моря назад не обращается; но Вы отобрали у меня пушки. Скажите, по указу Государеву Вы их взяли или сами собой?»[37]. Помимо нарушения основных норм гостеприимства при изъятии подаренного нарушается правило, заведенное еще царем Алексеем Михайловичем: не присылать в Хиву огнестрельного оружия. Согласно грамоте 1673 г. астраханскому воеводе, железо, олово, пищали, гвозди, топоры, равно как и люди (ясырь), принадлежали к разряду так называемых заповедных товаров, их можно было приобретать только по грамотам от московских государей[38].

Ашурбека задержали, поскольку в это же время Петр начинает разрабатывать планы освоения Каспийского моря и поиска пути в Индию. Началась подготовка к печально знаменитой экспедиции Александра Бековича Черкасского. При этом, что весьма интересно, в грамоте, посылаемой с князем А. Б. Черкасским, о подданстве Хивы не упоминается. Вероятно, и в первом варианте грамоты, которую отдали Ашурбеку, не было сказано о вассальной зависимости Хивы.

Мы не будем описывать подробности, связанные с миссией в Хиву. Остановимся лишь на нескольких важных для нашей темы эпизодах. Как известно из «Гистории Свейской войны», князю А. Б. Черкасскому помимо исследования Каспийского моря и строительства крепостей на его побережье и множества

---

[35] *Броневский С. М.* Историческия выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне. СПб.: Институт востоковедения РАН, 1996. С. 87.

[36] *Жуковский С. В.* Сношения России с Хивой и Бухарой за последнее трехсотлетие. СПб., 1915. С. 58.

[37] *Безгин И. Г.* Экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к великому моголу (1714–1717): Библиографическая монография. СПб., 1891. С. 84.

[38] Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 219.

других пунктов было поручено «склонить хана хивинского к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего предоставлять ему гвардию к его службе, и чтоб он за то радел в наших интересах». При этом в целях экономии было предусмотрено, чтобы гвардейцы в случае успеха содержались за счет ханской казны, также было дано задание «проведать о бухарском хане, не мочно ли его в подданство»[39]. Уникальность плана была в том числе и в том, что, способствуя укреплению власти ханов над поданными, одновременно увеличивали зависимость их от России[40]. Следует также заметить, что желание российского государя склонить к подданству свидетельствует о полной независимости Хивинского ханства на тот период.

Хивинский хан крайне негативно отреагировал на продвижение отряда и на факт появления у своих границ российских крепостей. Есть также сведения, что данные об экспедиции были переданы хану калмыцким ханом Аюкой, который во всей этой истории вел двойную игру. Разгром миссии А. Б. Черкасского стал громким событием не только в России и европейских странах. Данный трагический эпизод — одно из крайне немногих известий о российских деятелях, отраженных в среднеазиатских источниках. Как свидетельствуют хивинские хроники, Шир-Гази-хан «назначил с бесчисленным войском конграта Кул Мухаммед-аталыка и наймана Эмира Аваз Инака [вести переговоры]. Они заключили с Даулат Гиреем перемирие и под предлогом угощения отправили врагов святой веры в пекло преисподней»[41]. Целью отряда «Даулата Гирея»[42] «с тридцатью тысячами русских», согласно «Фирдаус аль Икбал», было не посольство к Шир-Гази, а стремление «овладеть Хорезмом», «для чего они и прибыли к “горам Шейх-Джалил-таги”, в которых находятся золотые и серебряные рудники, и с этими помыслами остановились на границе Арала»[43].

Гибель экспедиции и жестокая казнь А. Б. Черкасского и остальных руководителей экспедиции на достаточно долгий срок осложнили взаимоотношения Хивы с Россией, несмотря на последующие попытки Флорио Беневени поправить сложившееся положение.

В итоге, на наш взгляд, хивинское ханство в 1700 г. не состояло в подданстве России. По всей видимости, формулировка «шерти», несомненно, имевшая место в тексте, имела сугубо декларативное значение без каких-либо последствий для

[39] Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 585.

[40] *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции. Изд. 2. Л., 1925. С. 204.

[41] Firdaws al-iqbal: history of Khorezm / Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi: edited by Yuri Bregel. Leiden, 1998. P. 100.

[42] Девлет Гирей — имя Александра Бековича до принятия им крещения. По всей видимости, во время посольства в Хиву он представлялся как Девлет Гирей.

[43] Материалы по истории Казахских ханств 15–18 веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Манулов, К. А. Пищулин, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969. С. 433.

двух государств. Пример «союза и шерти» между Османской империей и Крымским ханством свидетельствует, что в рамках реализации подобного соглашения хивинские ханы должны были бы прибывать ко двору российских правителей, подобное трудно представить, исходя из сложившейся в Средней Азии политической ситуации. Причины неверного перевода грамоты и превращения трех «мутлябхо» переговоров в пять остаются неясными. Вряд ли здесь присутствует попытка выдать желаемое за действительное. Для большей ясности требуется сравнительный перевод остальных грамот не только из Хивы и Бухары, но и из Персии и Крымского ханства, датируемых данным периодом, для определения стиля перевода.

**References**

*Agzamova G.A.* Volžsko-Kaspijskij put' v XVI — pervoj polovine XIX v. // Tûrkologičeskij sbornik. M., 2003.

*Allworth E.A.* The modern Uzbeks: from the 14 century to the present. A cultural history. Hoover press publicaton, 1990.

*Annanepesov M.* Ukreplenie russko-turkmenskih svâzej v XVIII–XIX vv. Ašhabad: Ylym,, 1982.

*Bartol'd V.V.* Istoriâ izučeniâ Vostoka v Evrope i Rossii: Lekcii. 2-e izd. L., 1925.

*Bèr K.M.* Zaslugi Petra Velikogo po časti rasprostraneniâ geografičeskih poznanij o Rossii i pograničnyh s nej zemlâh v Azii // Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geografičeskogo Obŝestva. SPb., 1850. T. 4.

*Bezgin I.G.* Èkspediciâ v Hivu i posol'stva flota poručika Kožina i murzy Tevkeleva v Indiû k Velikomu mogolu (1714–1717): Bibliografičeskaâ monografiâ. SPb., 1891.

*Bronevskij S.M.* Istoričeskiâ vypiski o snošeniâh Rossii s Persieû, Gruzieû i voobŝe s gorskimi narodami, v Kavkaze obitaûšimi, so vremen Ivana Vasil'eviča donyne. SPb.: Institut vostokovedeniâ RAN, 1996.

*Galkin N.M.* O turkmenah vostočnogo poberež'â Kaspijskogo morâ // Ètnografičeskie i istoričeskie materialy po Srednej Azii i Orenburgskomu kraû. SPb., 1868.

*Hanykov N.* Opisanie Buharskogo hanstva. SPb., 1843.

*Ismailova B.* Istoriâ Buharskogo èmirata. Hudžand: Nuri ma'rifat, 2005.

*Ismailova B.* Central'naâ Aziâ v sostave Rossijskoj Imperii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.

*Kadyrov Š.* «Naciâ» plemen. Ètničeskie istoki, transformaciâ, perspektivy gosudarstvennosti v Turkmenistane. M., 2003.

*Knâžeckaâ E.A.* Sud'ba odnoj karty. M.: Mysl', 1964.

*Kostenko L.* Istoričeskij očerk rasprostraneniâ russkogo vladyčestva // Voennyj Sbornik. SPb., 1886. T. CLXXVI.

*Mogutov V.* Redkoe i dostopamâtnoe izvestie o byvšej iz Rossii v velikuû Tatariû èkspedicii pod imenem posol'stva. SPb., 1777.

*Niâzmatov M.* Poisk konsensusa. Rossijsko-hivinskie geopolitičeskie otnošeniâ v XVI — načale XX v. SPb., 2010.

*Opryško O.L.* Čerez veka i sud'by. Nal'čik: Èl'brus, 1982.

*Popov A.N.* Snošeniâ Rossii s Hivoû i Buharoû pri Petre Velikom. SPb., 1853.

Rossiâ — Srednââ Aziâ: Politika i islam v konce XVIII — načale XXI v.: V 2-h t. / Pod red. S.N. Abašina, D.Û. Arapova. M., 2011.

*Šafranovskij K.I., Knâžeckaâ E.A.* Karty Kaspijskogo i Aral'skogo morej, sostavlennye v rezul'tate èkspedicii Aleksandra Bekoviča Čerkasskogo 1715 g. // Izvestiâ VGO. 1952. № 6.

*Terent'ev A.M.* Rossiâ i Angliâ v Srednej Azii. SPb., 1875.

*Veselovskij N.I.* Očerk istoriko-geografičeskih svedenij o hivinskom hanstve ot drevnejših vremen do nastoâšego. SPb., 1877.

*Veselovskij N.I.* Priem v Rossii i otpusk sredne-aziatskih poslov v XVII i XVIII stoletiâh // Žurnal Ministerstva Narodnogo Prosveŝeniâ. SPb., 1884. № 7.

*Vilinbahov V.B.* Aleksandr Čerkasskij — spodvižnik Petra. Nal'čik: Kabardino-Balkarskoe knižnoe izdatel'stvo, 1966.

*Zajcev I.V.* Krymskaâ istoriografičeskaâ tradiciâ XV–XIX vv. Puti razvitiâ. Rukopisi, teksty i istočniki. M., 2009.

*Želâbužskij E.* Očerki o zavoevanii Hivy. M., 1875.

*Žukovskij S.V.* Snošeniâ Rossii s Buharoj i Hivoj za poslednee trehsotletie // Trudy obŝestva rossijskih orientalistov. SPb., 1915. № 2.

**Список литературы**

*Агзамова Г.А.* Волжско-Каспийский путь в XVI — первой половине XIX в. // Тюркологический сборник. М., 2003.

*Аннанепесов М.* Укрепление русско-туркменских связей в XVIII–XIX вв. Ашхабад: Ылым, 1982.

*Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции. 2-е изд. Л., 1925.

*Безгин И.Г.* Экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к великому моголу (1714–1717): Библиографическая монография. СПб., 1891.

*Броневский С.М.* Историческия выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне. СПб.: Институт востоковедения РАН, 1996.

*Бэр К.М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и пограничных с ней землях в Азии // Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1850. Т. 4.

*Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

*Веселовский Н.И.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1884. № 7.

*Вилинбахов В.Б.* Александр Черкасский — сподвижник Петра. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966.

*Галкин Н.М.* О туркменах восточного побережья Каспийского моря // Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868.

*Желябужский Е.* Очерки о завоевании Хивы. М., 1875.

*Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие // Труды общества российских ориенталистов. СПб., 1915. № 2.

*Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX вв. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009.

*Исмаилова Б.* История Бухарского эмирата. Худжанд: Нури маърифат, 2005.

*Исмаилова Б.* Центральная Азия в составе Российской Империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

*Кадыров Ш.* «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003.

*Княжецкая Е.А.* Судьба одной карты. М.: Мысль, 1964.

*Костенко Л.* Исторический очерк распространения русского владычества // Военный Сборник. СПб., 1886. Т. CLXXVI.

*Могутов В.* Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в великую Татарию экспедиции под именем посольства. СПб., 1777.

*Ниязматов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI — начале XX в. СПб., 2010.

Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и Ордена святого Александра Кавалера Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства, в бытность его службы морским Офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-Секретаря, Профессора Истории и Историографии, Г. Ф. Миллера. СПб.: Императорская академия наук, 1763.

*Опрышко О.Л.* Через века и судьбы. Нальчик: Эльбрус, 1982.

*Попов А.Н.* Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. СПб., 1853.

Россия — Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XXI в.: В 2-х т. / Под ред. С. Н. Абашина, Д. Ю. Арапова. М., 2011.

*Терентьев А.М.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.

*Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

*Шафрановский К.И., Княжецкая Е.А.* Карты Каспийского и Аральского морей, составленные в результате экспедиции Александра Бековича Черкасского 1715 г. // Известия ВГО. 1952. № 6.

*Allworth E.A.* The modern Uzbeks: from the 14 century to the present. A cultural history. Hoover press publicaton, 1990.